

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ, МЕТОДИКА

УДК 373.2(091)

О РАЗРАБОТКЕ СОДЕРЖАНИЯ ПЕРВЫХ ПРОГРАММ КУРСОВОЙ ПОДГОТОВКИ ДОШКОЛЬНЫХ КАДРОВ (XIX – начало XX в.)

О. А. Анищенко

кандидат педагогических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Проблема подготовки кадров для работы с детьми дошкольного возраста в семье и условиях общественного (дошкольного) воспитания имеет давнюю историю. В статье рассматриваются подходы к ее разрешению в процессе становления и развития теории и практики отечественного дошкольного воспитания. Основное внимание уделено отражению разработки содержания учебных дисциплин с начала организации первых курсов для подготовки кадров (XIX – нач. XX в.).

Ключевые слова: общественное воспитание, подготовка кадров, учебные планы и программы.

Введение

Традиционной формой воспитания маленьких детей до рубежа XVIII–XIX вв. было семейное. И лишь для сирот и подкидышей оно заменялось, облекаясь в форму благотворительности, закрытыми приютами, сирото-питательницами, воспитательными домами. Кадры для работы с детьми в подобных учреждениях не готовились, чаще всего это были случайные лица. И потому вопрос о профессиональной подготовке, о ее содержании, качестве не ставился и не обсуждался. В лучшем случае – предпринимались первые попытки оформления рекомендаций к отбору персонала.

Основная часть

И.И. Бецкой, разрабатывая во второй половине XVIII в. проекты организации закрытого учреждения для воспитания “нового среднего сословия” (“третьего чина”) из внебрачных детей и подкидышей, отлично понимал, что достичь этой цели невозможно без соответствующего педагогического персонала. Отсюда – огромное внимание личности педагога, требованиям к нему, изложенным в “Инструкции к служащим” и в нескольких главах “Генерального плана Императорского Воспитательного дома для приносных детей и госпиталя для бедных родительниц в Москве”, т.к. если “начальники Дома хотят, чтобы дети научились добродетели, должно им прежде всего учителей и приставников учить добродетельными и примера достойными” [1, с. 40].

Для ухода за новорожденными он советовал выбирать таких женщин, которые имеют определенный круг знаний об особенностях развития детей этого возраста, детских болезнях, стремятся такие знания приобрести. Как правило,

это должны быть женщины в годах, опытные, терпеливые и искусные. Для воспитания девочек постарше считал, что “полезнее употреблять младших благонаправленных женщин нежели старых. Свойства их веселости больше приличествуют к живости детской, нежели суровый вид старых...” [2, с. 3]. Это надо делать потому, что дети очень подражательны и с легкостью перенимают как хорошие, так и дурные качества своих наставников. А поскольку основным условием успешности воспитания должна быть веселая, жизнерадостная атмосфера Дома, то и воспитатели сами должны быть “всегда веселого духа”. Критерий отбора воспитателей для мальчиков – не “представительства”, рекомендации от кого бы то ни было, а хороший нрав, добропорядочная жизнь, здравый от природы разум, умение выполнять какие-либо работы, владение ремеслом. “Ежели сыщутся люди, приобретшие некоторые знания от полезных путешествий, либо от чтения книг, таковых принимать прежде всего” [3, с. 3].

Главная надзирательница, осуществляющая общее руководство воспитанием детей обоюбого пола от рождения до 6–7 лет и старше, но уже только девочек, должна быть “честная и разумная женщина, летами не моложе как от 35 до 40”, владеющая женскими работами. При выборе ее рекомендовал также не смотреть ни на чины, ни на богатство, ни на рекомендации, “только хорошие качества утверждают ее выбор”. На какие же качества надо обращать внимание? Она должна иметь “добродетели, приличные своему полу, не подвергая себя слабости одного, быть рассудительная и, еще больше, человеколюбива, дабы кроткость и великодушные были знаком доброго ее сердца. Всегда иметь случай оказывать другим примеры хороших своих качеств, а наипаче – при родильницах и при младенцах” [1, с. 17].

Поскольку дети должны видеть во всем Воспитательном доме примеры только положительные, надо “удалять их от обхождения с невежами и злонаправленными людьми, не допускать видеть неблагоприятные их поступки” [3, с. 50], особенно, если это люди, занимающиеся непосредственно воспитанием детей: “начальников и приставников ленивых и нерадивых, беспорядочных, которые пороками своими соблазнительные примеры юношеству подавать будут, надлежит, не в самых тяжких случаях, за первый и второй раз увещевать или за какие-либо их упущения штрафовать вычетом из жалования, а за третий раз отрешить и из Воспитательного дома выслать” [1, с. 22]. И хотя Бецкой понимал, как трудно найти хороших воспитателей, он был совершенно уверен, что без них успешное воспитание детей невозможно: “Все наставления будут бесполезны, когда приставники сами не окажут примеров исполнения честности своею, скромностью, трезвостью и кроткостью” [1, с. 19]. Ежели удастся найти нужных, то он советовал не жалеть для них ничего, заботиться об их благосостоянии, душевном покое, чести, поддерживать их во всех начинаниях, защищать в случае надобности от зависти, клеветы и гонений.

Эти подробные советы к отбору педагогов с учетом их личных качеств, на составление которых И.И. Бецкой не жалел трудов, пожалуй, и до настоящего времени не утратили своей значимости.

После замены Воспитательных домов Николаем I детскими приютами для приходящих, а затем и постоянно живущих детей, в первой половине XIX в., В.Ф. Одоевским было разработано “Положение о детских приютах” и написан “Наказ лицам, непосредственно заведующим детскими приютами”, в котором содержался специальный раздел “Выбор смотрительницы” [4]. В нем также подчеркивалась мысль о том, что без тщательного отбора педагогов все усилия по воспитанию детей будут тщетны. И вновь в подробных рекомендациях относи-

тельно требований к отбору смотрительниц речь шла о том, что главные требования следует предъявлять не к знаниям (откуда они без соответствующей подготовки? – О.А.), а к их личности: тихому и миролюбивому нраву, наличию здравого смысла, “чистой нравственности” и “врожденных чувств любви к ближнему”, т.е. всех тех качеств, которые должны быть свойственны женщине-матери. Требования к общеобразовательной подготовке были весьма скромны – она должна уметь читать, писать, считать на счетах, “владеть женскими рукоделиями”. Выражалась и надежда на то, что любовь к своим обязанностям заставит смотрительницу читать книги с полезными сведениями для работы с детьми. Что касается специальной подготовки к должности смотрительницы, то при ее практике полном отсутствии, считалось достаточным некоторого пребывания в каком-либо подобном заведении и внимательного наблюдения за работой в нем. Весьма скромные требования, не правда ли? Но даже они на практике чаще всего оставались благими пожеланиями.

Первая попытка организации училища нянь в помощь матерям была предпринята при Санкт-Петербургском Воспитательном доме в 1853 г. Поначалу в него принимали девушек разных сословий с различной степенью подготовленности, что затрудняло их последующее обучение. Потому с 1869 г. училище стало комплектоваться только воспитанницами Дома и срок обучения для них был продлен до четырех лет: два года общеобразовательной и два года специальной подготовки. Особое внимание в специальных классах уделялось теоретическим и практическим занятиям по уходу за здоровыми и больными детьми раннего возраста и от года до десяти лет; изучению педагогики, обучению рисованию, пению, рукоделию. Практика показала, что таких отлично подготовленных нянь было не только слишком мало даже для одного города, но и были они слишком дороги и потому не доступны для большинства семей, нуждающихся в подобных услугах. Как образно писал П.Ф. Каптерев “там, где нуждаются в черном хлебе, предлагаются ананасы – очень приятный фрукт, но мало кому доступный” [5, с. 12].

В связи с этим он предлагал озаботиться организацией не подобных дорогих образцовых училищ для нянь, а педагогических курсов для самих матерей, ибо ситуация, когда няня подготовлена к уходу и воспитанию детей, а родная мать – нет, приводит, по его мнению, к “чрезвычайно странному положению” при котором няня становится не помощницей матери, а оттесняет ее на второй план, занимая фактически ее место.

Что касается нянь, им не нужна столь широкая подготовка, как матерям. Они должны практическим путем овладеть уходом за детьми, уметь толково выполнять указания матери, играть с детьми. Возраст нянь никакого значения не имеет. В каждом из них есть свои недостатки: “молодые девушки часто бывают очень легкомысленны и способны ко всяким увлечениям, препятствующим хорошему исполнению своих обязанностей... пожилые женщины, не говоря уже о старушках, ... имеют твердо укоренившиеся ошибочные взгляды на детей и их воспитание... неодолимую склонность проводить самостоятельную педагогическую политику... отличаются малой подвижностью...” и потому они предпочитают не участвовать в подвижных детских играх, предпочитая быть простыми созерцательницами. Исходя из этого, Каптерев делает вывод о том, что не возраст является решающей характеристикой для выбора няни в связи с чем “родителям ничего более не остается, как отыскивать подходящую няню во всех возрастах” [5, с. 17–18].

Начало специальной подготовки к работе с дошкольниками за рубежом связано с появлением идеи организации учреждений не для замены, а в помощь семейному воспитанию. И сделано это было Ф. Фребелем. Он задумал создать “меркантильное” предприятие по изготовлению и продаже разработанных им пособий для работы с детьми. Для успеха этого предприятия недостаточно было только распространять сведения об этих материалах, необходимо было иметь людей, хорошо подготовленных, владеющих методами работы с ними. Так у него возникла мысль об открытии специальных показательных курсов для матерей, нянь, бонн (1839 г.). Необходимость проведения практических занятий привела к идее организации при курсах в том же году группы малышей от 1 года до 6 лет, приходящих на два часа в день (с 13 до 15 часов). Название этой группы звучало следующим образом – Заведение для игр и занятий. Это было своего рода площадкой с коротким рабочим днем, на которой женщины отработывали методику работы с фребелевским материалом.

Однако уже через несколько месяцев он задумал большее. В своем воззвании к немецким женщинам Фребель поделился планами организации целого комплекса заведений для воспитания дошкольников. Центром его стала бы семинария по подготовке кадров. Помимо теории и практики работы с детьми, ухода за ними, женщины в ней получали бы советы по ведению домашнего хозяйства, садоводству и пр. При этой семинарии он собирался устроить “Заведение для охраны маленьких детей и занятий с ними”, которое было бы практической базой для семинарии, давало бы правильное воспитание детям и служило образцом для детских приютов, убежищ. Именно для него Фребель и придумал в 1840 г. новое удачное название – детский сад. Деньги для реализации этой своей грандиозной задумки Фребель рассчитывал собрать по подписке, но, к сожалению, в полной мере это сделать так и не удалось.

В нашей стране о немецких детских садах впервые узнали через пять лет после смерти Фребеля из “Заграничных писем” В.И. Водовозова [6] и опубликованной в том же году его статьи о детских садах в журнале Министерства Народного Просвещения. Идея оказания помощи семейному воспитанию путем овладения “рациональными приемами” работы с детьми вызвала большой интерес прежде всего среди женской аудитории.

В условиях общественного подъема середины XIX в. благодаря гласности появилась возможность публичного обсуждения множества актуальных проблем, в том числе и так называемого “женского вопроса”. Статья Н.И. Пирогова “Вопросы жизни” стала своего рода программой деятельности в борьбе за женское образование, поскольку (по выражению Пирогова) женщины, “ухаживая за колыбелью человечества”, становятся “главными зодчими общества” [7]. Обращаясь к съезду естествоиспытателей с просьбой ходатайствовать перед правительством о разрешении получать женщинам полноценное образование в области естественных наук, известная журналистка Е.И. Конради считала, что это позволит сделать “...матерей не номинальными, но действительными руководительницами первоначального образования детей” [8], а сведения из естествознания окажут благотворное влияние на развитие ума, фантазии, памяти, чувств детей.

Вскоре стала очевидной необходимость получения женщинами достойного образования не только ради правильной постановки семейного воспитания, но и предоставления им права на профессиональное образование и труд в соответствии с полученной специальностью (прежде всего педагогической). Так и по-

явились первые частные детские сады, в организации которых женщины нашли для себя интересное и полезное дело.

Начало подготовки кадров для детских садов было тесно связано с подготовкой “образованных матерей” и их помощниц путем овладения ими методами работы прежде всего с фребелевскими материалами. Однако еще Водовозов писал о том, что система работы детских садов в Германии доведена до такой “степени искусственности, что она стала умозрительнее и труднее философии Гегеля”; строгая система последовательных упражнений с материалом, долгое сидение за столом – не развивают свободную детскую деятельность; а их молчаливое выполнение – не развивают речь. Поэтому он считал нежелательным использованием фребелевских рекомендаций буквально и рекомендовал женщинам знакомить дошкольников с предметами и явлениями окружающей жизни (природы, общества), занимать доступными рассказами, “слегка учить их правильно говорить”, проводить с ними игры и гимнастические упражнения.

Вопрос о форме подготовки женщин к работе с детьми дошкольного возраста был поднят на очередном Педагогическом собрании (вскоре переименованном в Педагогическое общество) Н.А. Сеньковским [9]. В своем докладе он говорил о необходимости организации курсов для “садовниц и родителей” и считал для них полезной “методу Фребеля”; одновременно также предостерегая от слепого подражания этой “методу”; советовал выбирать только полезные игры и занятия, пополнять их новыми, а песенки Фребеля рекомендовал заменить напевами из народных мотивов, доступных детям.

Обсуждение того, что должно стать основным содержанием курсовой подготовки долгое время вызывало серьезные споры; были как сторонники буквального следования Фребелю, так и противники таких подходов (П.Ф. Каптерев, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский, А.С. Симанович, Е.Н. Водовозова, Е.И. Конради и др.). Одним из главных предметов подготовки к работе с дошкольниками в семье и детских садах известный педагог Н.Ф. Бунаков считал курс педагогики, который необходимо преподавать даже в женских гимназиях [10]. Позднее, поддерживая эту мысль, П.Ф. Каптерев писал, что и “для выполнения родительских обязанностей необходим курс педагогики. Настоящие школьные курсы как будто назначены для людей, давших обет безбрачия, для какого-либо монашеского ордена. Дети гибнут физически и нравственно от невежества родителей, от их крайнего неумения воспитывать” [11, с. 440]. Так именно курс педагогики признавался крайне важным как для подготовки “образованных матерей”, “семейных воспитательниц”, так и для “садовниц”. Развивая свою мысль о педагогической подготовке не только “матерей настоящих, но и будущих”, Каптерев предлагал реорганизовать работу дополнительного педагогического класса в женских гимназиях, нацелив их на подготовку не школьных учительниц, а воспитательниц детей дошкольного возраста в семье. Содержание такой подготовки должно быть направлено, по его мнению, на изучение детской психологии, педагогики семейного воспитания, детской гигиены, физиологии, детской литературы, на развитие умений организовывать с детьми игры, прогулки, беседы и т.д.

В духе традиционных педагогических воззрений А.С. Симонович (одна из организаторов первых детских садов) считала, что успех в первоначальном воспитании во многом определяется личностными качествами воспитательницы и поэтому основные требования предъявляла именно к ним – энергичность, бодрость, преданность делу и детям, строгость (но не злость), взыскательность (но не придирчивость), образованность. Вскоре она конкретизировала, назвав самы-

ми главными – любовь к детям, самовоспитание, осознание цели жизни и цели воспитания; а знания педагогические, психологические отнесла к требованиям второстепенным [12].

Вместе с тем, супруги Симонович в издаваемом ими журнале “Детский сад”, отмечали нежелательность подготовки отечественных кадров дошкольных работников за рубежом, поскольку “таким путем выходят сильные подражатели германских детских садов”, “автомат без собственного ума, превращаемый системой в ноль”. О том, что собой представляли работницы германских детских садов, писала, наблюдая их работу в Берлине, Н. Кожевникова: “Садовницы подробно знают все работы детского сада и искусно исполняют их, и для них вся сущность дела в этом-то и заключается. У каждой садовницы есть большая тетрадь с узорами для переплетения бумажек, тетрадь с рисунками и т.п. Она знает, например, что такой-то узор должен следовать за таким-то, что такая-то фигура – за такой-то, а почему, вряд ли многие из них ответят вам. “Почему” никогда не приходило им в голову, “почему” они не слышали от своих наставниц и с “почему” они не будут обращаться к детям. Таким образом, все дело ведется чисто механически по заученному порядку; большей частью детям предлагаются заученные вопросы и требуют от них заученных ответов, что превращает детей в современные машины” [13, с. 453].

Однако первые курсы для подготовки в нашей стране “сведующих няnek и детских садовниц” были открыты весной 1872 г. именно Фребелевским обществом с целью распространения идей Ф. Фребеля и потому его система на них изучалась наиболее детально. Но даже в среде самих членов Общества шла борьба между сторонниками полного переноса его “методы” и изучением на курсах “педагогике вообще”, “Фребелевского рукоделия” и отечественными педагогами, выступавшими за критическое отношение к ней и разработку собственного содержания работы с детьми.

Эти фребелевские курсы стали в нашей стране первыми, в которых готовили помощниц матерям владеющих единственной на то время “методой” работы с дошкольниками. Срок обучения на курсах Общество, по примеру большинства немецких, установило в 1 год, но реально они были семимесячными (с сентября по апрель). Решено было не ограничиваться изучением и овладением “методой” Фребеля, но и давать знания об устройстве и деятельности человеческого организма, его психике и т.д. Поэтому в учебный курс были включены следующие предметы: анатомия, физиология и гигиена, психология, и история педагогики, естествоведение, физика, лепка, рисование, пение и гимнастика. Очень скоро стала очевидной недостаточная продолжительность обучения для проведения всех задуманных теоретических и практических занятий и общепедагогическая направленность преподаваемых предметов. Как отмечал П.Ф. Каптерев, “...на курсах читались, например, общая психология, история педагогики вообще, ...а между тем слушательницам, по роду их будущих занятий, требовались психология детства и история первоначального воспитания. Точно также им были необходимы не общая анатомия, физиология и гигиена, но больше всего в применении именно к детскому возрасту. Чувствовалась и серьезная потребность в обстоятельном знакомстве с детской литературой” [14, с. 20]. Поэтому с 1878/1879 учебного года курсы стали двухлетними, первый год был отведен преимущественно теоретическим, а второй – практическим занятиям. Соответствующие изменения были внесены в направленность и содержание учебных предметов (введено изучение истории семейного воспитания и детской литературы), больше внимания уделялось практическим занятиям в приютах.

Но и эти изменения не удовлетворили. Один из существенных недостатков виделся в отсутствии преемственной связи между преподаваемыми предметами и в последовательности их изучения. Так, теория и история первоначального воспитания (история дошкольной педагогики, сказали бы сейчас. – О.А.) предшествовала психологии детства, а анатомия и физиология читались после психологии и т.д. Становилась очевидной необходимость чтения как общих курсов по психологии, истории педагогики, анатомии, физиологии и гигиены, так и этих же предметов “в применении к детству”, а не предпочтение одного из этих вариантов. П.Ф. Каптерев, проработавший на этих курсах более четверти века, считал, что “само ведение Фребелевских игр с детьми было бы лучше заменить более широким изучением детских игр и игрушек вообще – греческих, римских, средневековых, даже игр дикарей” [5, с. 6]. Фребелевскую систему он считал не единственной возможной, а преимущественно немецкой и выступал за специальное изучение народных игр и игрушек русских детей. Но подобные изменения в учебных планах требовали увеличения срока обучения еще на один год. Сделать это Обществу помешал недостаток средств.

Помимо этих курсов, выпускницы которых для большинства семей были дороги, Общество открыло в 1895 г. школу для нянь. Девочек, окончивших городские училища, знакомили с детскими играми и рассказами, Фребелевскими упражнениями; их учили шить детское белье и платье, гладить, стирать, изготавливать простые детские игрушки.

По принципу Санкт-Петербургских курсов в конце XIX в. были открыты двухгодичные фребелевские курсы в Одессе, Тифлисе, частные курсы Мартыновой в Харькове. В начале XX в. Киевское Фребелевское общество организовало Фребелевский женский педагогический институт с трехгодичным сроком обучения, в котором давалась хорошая по тому времени теоретическая и практическая подготовка в педагогических и психологических лабораториях, детских садах и летних площадках.

Из числа общественных организаций подготовку женщин для работы с детьми осуществляли в Петербурге “Общество содействия физическому развитию” и “Общество содействия дошкольному воспитанию”. Первыми, по инициативе П.Ф. Лесгафта, были организованы Высшие женские курсы воспитательниц и руководительниц по физическому образованию со специальным отделением для подготовки дошкольных работниц; а второе организовывало непродолжительные курсы для матерей (по психологии детства, детской литературе, методике Фребелевских работ и пр.), одногодичные или двухгодичные курсы для подготовки работников детских садов. Е.И. Тихеева, вице-председатель “Общества содействия дошкольному воспитанию” в С.-Петербурге считала, что подготовка эта должна быть продолжительной, основательной и всесторонней. А лицо, работающее с маленькими детьми, должно быть в некоторой степени энциклопедистом: знать анатомию, физиологию, психологию, педагогику, историю культуры, детскую литературу, природоведение, детские песенки; уметь проиллюстрировать беседу собственными рисунками; “иметь навык в детских работах” и т.д. и т.п. И все это потому, что нет другой специальности, которая предъявляла бы столь разнообразные требования к подготовленности кадров [15].

В Москве одногодичное отделение по подготовке руководительниц детских садов было открыто “Московским обществом воспитательниц и учительниц” при женских педагогических курсах, названных впоследствии именем Д.И. Тихомирова. В учебный план этих курсов входили следующие предметы: психология,

педагогическая психология, история педагогических идей, педагогическая патология, гигиена, физиология, обзор детской литературы, дошкольное воспитание с практическими знаниями в детском саду по рисованию, пению, ручному труду, подвижным играм и гимнастике.

Московским “Кружком совместного воспитания и образования детей” (сторонниками свободного воспитания) при народном университете имени А.Л. Шанявского в конце 1914 г. были организованы общедоступные пятидневные курсы по дошкольному воспитанию, опыт которых представляет определенный интерес. Комиссией по дошкольному воспитанию по предложению Кружка была разработана программа, включающая следующие предметы: уход за ребенком раннего возраста; гигиена и физическое воспитание детей дошкольного возраста; заразные болезни в детском саду и борьба с ними; нервные дети; дошкольное воспитание в основных моментах истории педагогической мысли; психология первого детства; постановка детского сада; эстетическое воспитание детей; рассказывание и литература дошкольного возраста; подвижные игры; рисование и лепка; музыка в детской жизни. По результатам анкетирования слушательниц курсов к числу недостатков и пробелов были отнесены их сжатость и краткость, отсутствие практических занятий (в детских садах, очагах, яслях) и лекций по религиозному воспитанию, природоведению, истории отечественной педагогики и половому воспитанию дошкольников [16].

Помимо курсов, открытых общественными организациями в Москве, Санкт-Петербурге и их филиалами в провинции, в начале XX в. работали в столице и частные курсы: одногодичные Милевской, 3,5-месячные по изучению системы М. Монтессори в частном коммерческом училище М.А. Шидловской, в Москве – курсы Герье и др.

Вовлечение женщин в общественную жизнь, общественное производство, использование малоквалифицированного труда в начале XX в. настоятельно требовали создания учреждений дошкольного воспитания в помощь семье, в связи с чем усилилась пропаганда идей общественного воспитания и обосновывалась необходимость специальной подготовки кадров дошкольных работников.

Киевское Общество народных детских садов обратилось с докладной запиской в МНП с рядом предложений, которые в 1908 г. были внесены Обществом в проект положения о детских садах в подкомиссию Государственной думы по начальному образованию:

- “возбудить в законодательном порядке вопрос о введении детских садов в систему образования и выделение в бюджетных расходах особой статьи на организацию не только самих дошкольных учреждений, но и специальных педагогических учебных заведений для подготовки детских садовниц;
- в больших городах учредить либо постоянные курсы для будущих садовниц и их помощниц, либо временные, но периодически повторяемые;
- допускать к работе в детских садах только после специальной подготовки;
- в учебные планы женских гимназий, в которых преподается педагогика, ввести курсы, направленные на теоретическое и практическое ознакомление с воспитанием дошкольников” [17].

Этим вопросам посвящаются статьи в педагогических журналах, они обсуждаются на ряде съездов и конференций по народному образованию и семейному воспитанию. Отмечается, что одного открытия столь необходимых детских садов недостаточно, ближайшей задачей должна стать подготовка для них достойных работниц, которые на тот момент почти отсутствовали. А поскольку полу-

читать им надо не только практическую подготовку, но и широкое теоретическое образование, то необходимо создание специальных учреждений для этого [17, 18]. Такая точка зрения была шагом вперед в рассматриваемом вопросе: уже не курсы разной продолжительности, не чтение педагогики в средних общеобразовательных учреждениях, а отдельное учебное заведение, для которого автор предложила вариант подготовки. Все содержание учебного курса предполагалось строить по двум направлениям – знакомство с физической и психической жизнью ребенка. Первое направление подразумевало изучение гигиены, анатомии, физиологии, “патологии речи”; а для знакомства с психической жизнью ребенка следовало прослушать курс психологии (общей и детской), истории педагогики, истории дошкольного воспитания, методiku природоведения, арифметики, рисования, лепки, детскую литературу и педагогику. Она должна была, по мнению автора, читаться последней и поэтому называлась “маяком, освещающим путь”, “объединяющим звеном”.

Спустя три года эту точку зрения о необходимости организации специальных педагогических учреждений в достаточном количестве, забота об устройстве которых должна лежать как на государстве, так и на обществе, поддержали Е.И. Тихеева и М.Я. Морозова [15].

Удивляет непродолжительность предлагаемого варианта практической подготовки: один день на наблюдение и анализ увиденного, затем – проведение пробных занятий и, наконец, самостоятельная активная работа на протяжении трех дней [19].

Широкое распространение идеи общественного дошкольного воспитания и настоятельная потребность в детских садах привели к пониманию правительством необходимости подготовки кадров для них. В мае 1916 г. вопрос об организации подготовки руководящих детских садов, на курсах как существующих, так предполагаемых, их “планы и построение”, сроки обучения и образовательный ценз слушателей обсуждался в особой комиссии при Министерстве Народного Просвещения [20]. Отмечалось, что продолжительность обучения на большинстве из существующих курсов, открытых частными лицами или общественными организациями, была от нескольких месяцев до одного-двух лет. Наибольшей она к этому времени была на курсах Фребелевского общества в Петрограде (3 года) и в Киевском фребелевском институте, поскольку они уже готовили одновременно и учителей для начальной школы. Условием для приема на большинство курсов считалось наличие среднего образования или, при его отсутствии, наличие трехлетнего стажа учительской работы. Много внимания было уделено анализу программ курсов, их недостаткам. Отмечалось, что при широкой постановке изучения естествознания, не везде нашли место христианская этика, родной язык, родиноведение; не на всех курсах уделялось внимание изучению анатомофизиологических и психологических особенностей возраста и практически нигде – технология производства, механика, сельское хозяйство и домоводство. Эти последние дисциплины (как нам не удивительно сейчас. – О.А.) считались крайне важными для понимания окружающей среды и жизни.

Высказывалась разумная мысль, что в основу построения курсов не может быть положена какая-либо из трех существующих систем дошкольного воспитания (Фребеля, Монтессори, свободное воспитание), поскольку ценность подобных курсов была бы относительна, а направленность подготовки на них вела бы к “шаблону дела”. Из всех систем предполагалось взять главные идеи, принци-

пы, на основе которых представлять взаимозаменяемые образцы, примеры действий.

В обсуждаемом комиссией докладе, опубликованном редакцией журнала, была предложена для обсуждения программа подготовки дошкольных работников на двухлетних курсах, при которых должен быть детский сад. Первый год, состоящий из трех семестров, хотя и отводился преимущественно на изучение общеобразовательных предметов, уже с первого семестра включал в себя посещение дошкольного учреждения и обсуждение увиденного. Помимо этого предусматривалось изучение родного языка, христианской нравственности, родноведения, природоведения, рисование и лепка, пение и музыка, технология производства и начатки механики. Второй семестр отводился изучению на лекционных и семинарских занятиях биологии, гигиены, анатомии и физиологии ребенка, его физическому воспитанию, гимнастике, играм и психологии (общей и детской). А третий семестр с 1 мая по 31 августа на то, что мы сейчас назвали бы ознакомительной практикой. Слушатели должны были наблюдать и вести подробные записи наблюдений в яслях, очагах, приютах, убежищах, детских колониях, на площадках, клубах.

Второй год отводился полностью изучению предметов, относящихся к избранной специальности. Так, в четвертом семестре изучать предлагалось народный эпос и детскую литературу, системы дошкольного воспитания и практику деятельности детских садов за рубежом, педагогическую психологию, историю педагогических учений в связи с дошкольным воспитанием и патологическую педагогику (очевидно – дефектологию). По этим же предметам надо было проводить “семинарии”, на которых следовало обсуждать и доклады по летней практике. На пятом, последнем семестре, предполагалось изучение ручного труда, детских заразных болезней и оказание первой помощи, теории детского сада, обобщающую все то, что было “по частям приобретено, пережито и углублено в течение четырех семестров” [20, с. 395]. К сожалению, на практике эти предложения реализованы не были.

Заключение

Таким образом, до 1917 г. не было и не могло быть единых подходов в разработке содержания учебных планов и программ, а также сроков продолжительности подготовки дошкольных работников прежде всего из-за отсутствия государственной системы общественного дошкольного воспитания. Тем более не поднимался вопрос об улучшении качества подготовки дошкольных работников. Дошкольные учреждения открывали чаще всего частные лица, реже – общественные организации; первые курсы – наоборот, чаще их организовывали общественные организации, реже – частные лица и потому содержание подготовки в них было абсолютно разным. Все организаторы курсов создавали разные варианты учебных программ, беря за основу ту или иную зарубежную систему работы детского сада (Ф. Фребеля, М. Монтессори) или создавая свою (Е.И. Тихеева, отечественные сторонники системы свободного воспитания); чем длительнее были сроки обучения на курсах, тем содержательнее была подготовка кадров на них. С самых первых шагов (1853 г.) и на всех последующих курсах одним из основных учебных предметов специальной подготовки были педагогика, рисование и пение. Такими же обязательными со второй половины XIX в. (1872 г.) стали история педагогики, история дошкольного воспитания, детская литература, анатомия, физиология. Практически на всех курсах шло обучение “рукоде-

лию”, “детским работам”, “фребелевским работам”, “ручному труду”. С начала XX в. стали преподавать психологию. Ряд учебных дисциплин, которые в настоящее время относятся к числу специальных, не у всех организаторов курсов считались толковыми. Так, на курсах Фребелевского общества преподавалась гимнастика, на курсах при университете имени А.Л. Шаняевского – подвижные игры (а лишь в предложенном МНП варианте они уже считались обязательными). Также обстояли дела и с уходом за больными и здоровыми детьми: в 1853 г. они преподавались в училище нянь, а потом – только на курсах университета имени А.Л. Шаняевского. Но министерский вариант на последнем, пятом семестре обучения предполагал обязательное изучение “детских болезней и оказание первой помощи”. Не реализованные предложения начала XX в. включали изучение природоведения, “патологии” речи, методики арифметики, истории культуры, “патологической” педагогики. Наиболее интересными были варианты, предложенные П.Ф. Каптеревым для реорганизации фребелевских курсов и тот, что обсуждался МНП. Первый не смог реализовать из-за недостатка материальных средств у Фребелевского общества, а второй – по объективным причинам – война, революция. Однако общая тенденция по улучшению подходов к подготовке дошкольных кадров была выражена достаточно четко – увеличение сроков продолжительности обучения и усложнение, расширение программы подготовки, что объяснялось осознанием необходимости наличия у руководителей всестороннего, повышенного образования. К обсуждению этих вопросов вернулись вновь в 1919 г. на первом съезде по дошкольному воспитанию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Генеральный план Императорского Воспитательного дома для приносных детей и госпиталя для бедных родительниц в Москве. – Санкт-Петербург, 1889. – Ч. 3.
2. Инструкции служащим : Инструкция Главному надзирателю // Материалы для истории Императорского московского Воспитательного дома. – Москва, 1868. – Вып. 2. – С. 1–6.
3. **Бецкой, И. И.** Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими замечаниями о воспитании детей от рождения до юношества / И. И. Бецкой. – Санкт-Петербург, 1868.
4. **Одоевский, В. Ф.** Наказ лицам, непосредственно заведующим детскими приютами / В. Ф. Одоевский // Избр. пед. соч. – Москва, 1955. – С. 61–68.
5. **Каптерев, П. Ф.** Педагогические курсы для матерей и нянь / П. Ф. Каптерев // Воспитание и обучение. – 1893. – С. 2–18.
6. **Водовозов, В. И.** Заграничные письма / В. И. Водовозов // Журнал для воспитания. – 1857. – Т. 2.
7. **Пирогов, Н. И.** Вопросы жизни / Н. И. Пирогов // Избр. пед. соч. – Москва, 1985. – С. 55–84.
8. Труды I съезда русских естествоиспытателей. – Санкт-Петербург, 1868. – С. 29–30.
9. Протоколы заседаний Санкт-Петербургского педагогического собрания : реферат Н. А. Сеньковского о детских садах // Учитель. – 1866. – Т. 6. – С. 787–792.
10. **Бунаков, Н. Ф.** В чем нуждаются Воронежские дети / Н. Ф. Бунаков // Воронежский листок. – 1867. – № 50–52.
11. **Каптерев, П. Ф.** Дидактические очерки. Теория образования / П. Ф. Каптерев // Избр. пед. соч. – Москва, 1982. – С. 271–652.
12. **Симонович, А. С.** Кто может быть воспитателем? / А. С. Симонович // Детский сад. – 1866. – № 4. – С. 121–126.
13. **Кожевникова, Н.** Детские сады в Берлине / Н. Кожевникова // Детский сад. – 1868, сент.-окт. – С. 447–454.

14. **Каптерев, П. Ф.** Странички из истории первоначального воспитания детей в России / П. Ф. Каптерев // Русская школа. – 1896. – № 12. – С. 16–30.
15. Современный детский сад, его значение и оборудование / сост.: М. Я. Морозова, Е. И. Тихеева. – Санкт-Петербург, 1914.
16. **Тезавровская, Л.** Курсы по дошкольному воспитанию в университете имени Шанявского / Л. Тезавровская // Вестник воспитания. – 1915. – № 3. – С. 110–112.
17. Отчет о деятельности Киевского Общества народных детских садов за 1908 г. – Киев, 1909.
18. **Татарникова, Н.** Теоретическая подготовка руководительницы детского сада / Н. Татарникова // Дошкольное воспитание. – 1911. – № 9.
19. **Солович, О. В.** Практическая подготовка руководительницы детского сада / О. В. Солович // Дошкольное воспитание. – 1912. – № 3.
20. **Кукушкин, И.** К вопросу о подготовке руководительниц дошкольного воспитания / И. Кукушкин // Дошкольное воспитание. – 1916. – № 6–7. – С. 388–396.

Поступила в редакцию 04.05.2015 г.

Контакты: +375 222 28 25 19 (Анищенко Ольга Александровна)

Anisichenko O.A. ON THE DEVELOPMENT OF THE FIRST COURSE SYLLABI FOR PRESCHOOL TEACHERS (XIX – EARLY XX C.).

Professional training of personnel involved in the work with preschool children in families and in preschool institutions has a long history. The article deals with the approaches to the solution of this problem in the context of the development of the theory and practice of national preschool education. Special attention is drawn to the contents of the subjects since the time of the first professional courses (XIX – early XX c.).

Key words: social development, professional training, educational syllabi and curricula.